

Нургали Сыздыкбаев

Этико-философские воззрения

Чингиза Айтматова

в призме мифопоэтики

В русской литературе второй половины XX века произошли глобальные изменения, определившие эволюцию философских, этических и эстетических систем. Историко-эстетический процесс этого периода отражает не только переломную эпоху в развитии страны, но и изменения в личностном сознании человека. В русскую литературу приходит ряд писателей, не русских по национальности, но пишущих на русском языке. Их творчество отражает происходящие в обществе перемены, вбирая в себя весь спектр духовно-философских и этических проблем, поднимающихся над бытовым, узко социальным, ориентированных на постижение «вечных» проблем бытия. И именно эти «вечные» этические законы бытия становятся основой нравственного развития общества. Учёные не раз отмечали, что мощь и богатство страны определяются не богатством природных ископаемых, а высокой культурой и духовностью. Особый интерес вызывает творчество таких писателей, как Ч. Айтматов, В. Санги, О. Сулейменов, Т. Пулатов, А. Ким и др. В их творчестве синтезированы не только разные этико-философские, религиозные и эстетические идеи и концепции, но и противоречивые методы и стили.

Особое место в этом ряду занимает Чингиз Айтматов, в творчестве которого национальная история и традиции сосуществуют с инонациональной литературной системой, что, по определению П. Мирза-Ахмедовой, является признаком его «билитературности»¹. «...В литературе существуют только единичные, уникальные произведения. Каждое произведение – уникальное событие. Оно случается однажды»². Произведения Айтматова – это «уникальное событие» не только в национальной, но и в мировой культуре мысли. Жан-Поль Сартр, рассуждая о творце художественного произведения, утверждает: «Писатель, обращая свои взоры к «вечному», в то же время должен принять активное участие в современной жизни, сказать своё слово лю-

¹ П.М. Мирза-Ахмедова, *Проблема билитературности и двойной литературной принадлежности в межлитературном процессе*, [в:] *Особые межлитературные общности* – 5, Ташкент 1993, с. 84.

² О. Вайнштейн, *Интервью с Жаком Деррида*, «Arbor Mundi. Мировое древо», The World Tree, с. 74.

дям»³. Известно, что Айтматов активно совмещал творчество с общественной деятельностью. Он вёл огромную работу по сохранению уникальной жемчужины Центральной Азии – озера Иссык-Куль, являлся чрезвычайным и полномочным послом, председателем Ассамблеи культур народов Центральной Азии. Айтматов-писатель принадлежит не только культуре своего времени и своего народа, но и мировой культуре – и в этом значимость и актуальность его творчества.

Цель данной статьи – выявить авторское своеобразие этико-философских воззрений в творчестве Чингиза Айтматова.

Судьба художника отражает судьбу народа, как и литературный процесс, отражает ситуацию в обществе. Несмотря на всю противоречивость и изменчивость общественной жизни, неоднозначность литературного процесса, Айтматов прочно вошёл в литературу XX века как большой писатель со своим идейно-художественным комплексом, этико-философским кодексом, своеобразным стилем. Для постижения философской основы айтматовской прозы нужно вникнуть в художественный мир его произведений. Художественный и философский синтез, составляющий суть поиска философско-нравственных основ общества, чувствуется в произведениях писателя на всех уровнях. Выражая этико-художественные идеи через эстетические формы, автор выводит эти идеи на философский уровень постижения.

Художественный метод Айтматова – реалистический, но с целым рядом условных элементов, метод, характерный для мировой литературы XX в. Стилевая разнородность свидетельствует о сознательности синтетического использования всех возможных современных форм и приёмов художественного изображения бытия человека для выражения чёткой авторской позиции. Тенденция к синтезу разных художественных систем – особенность развития современного литературного процесса, которая проявляется в прозе Айтматова на жанровом, сюжетном, идейно-тематическом уровнях.

Обращение к условным художественным приёмам было свойственно не только литературам СССР, но и мировой литературе в целом. Так, немецкий литературовед Х. Плавюс отмечал, что «в последнее время проза охотно прибегает к использованию легенд и сказок, к ситуации «как будто», широко применяя игровые элементы, символы, параболы»⁴. Эти «как будто» нужны прежде всего для того, чтобы показать людям, что ждёт впереди человечество, если оно будет необдуманно поступать и принимать необоснованные, скоропалительные решения.

Этические реалии рассматриваются и трактуются писателем сквозь призму глобальных категорий добра и зла, связанных с религиозными и культурными традициями как Запада, так и Востока. В центре внимания находится внутренний мир индивида и его способность творить добро или зло в мире, где властвует неравноценность этих понятий.

В одном из своих выступлений Чингиз Айтматов сказал: «Большая для меня проблема – человеческая доброта, которая, к несчастью, убывает. Мы

³ Ж.П. Сартр, *Эпоха, лишённая морали* [электронный ресурс] [в:] *Жан-Поль Сартр, публикации в сети*. Web-мастер В. Андришин 2004, <http://sartre.hpsy.ru>.

⁴ Х. Плавюс, *Человек и мир. Семидесятые*, «Новый мир» 1977, № 12, с. 252.

должны искать путь добра. Для этого очень полезно обратиться к общечеловеческому опыту, и христианская мораль здесь – один из самых авторитетных и благотворных источников»⁵. Сейчас как никогда мы должны обращаться к духовным традициям не только своей литературы и культуры, но и мировой, находить в них нравственные идеалы и ценности, которые способствовали бы расцвету личности, моральному самосовершенствованию индивида, очищению общества от накопившихся «грязных пятен». Следует стремиться не только к восстановлению, но и к умножению совести, чести, добра в обществе. Обращение современной художественной мысли к этим проблемам часто обретает форму притчи, обладающей как широчайшими возможностями философского обобщения изображаемой действительности, так и способностью достигать воспитательных целей.

Притчевость прозы Айтматова является не только качеством стиля. Она получает оформление как отдельный структурный элемент текста. Выполняя дидактическую роль, притча оказывается средоточием нравственно-философской проблематики и средством воплощения художественной авторской идеи, выводящей нас к общечеловеческим проблемам бытия. В подобных ситуациях очень часто обнаруживается параболизм притчи. Суть этого смыслового явления, по мнению А.А. Потебни, заключается в том, что «повествование удаляется от современного автору мира, иногда вообще от конкретного времени, конкретной обстановки, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и даёт его философско-этическое осмысление и оценку»⁶, то есть усиливает философское звучание произведения, укрупняет его художественную идею.

Параболичность, присущая прозе Айтматова, порождает символический ракурс текста, причём символика существует в тесном переплетении с реальностью (реалистическая объективность изображения образов, судеб, пространственных и временных отношений). Парабола способствует интеллектуализации всех значительных тем современной прозы и, в первую очередь, темы «человек и действительность». Другим способом придания свойства притчевости современному эпическому произведению является насыщение текста стилевыми чертами притчи, но без выделения её в самостоятельный конструктивный элемент.

Использование архаических мифов в их современной интерпретации, воссоздание мифологического образа в качестве метафоры современности и обращение к мифу как эстетическому средству выражения художественной действительности – вот то новое, что внёс Айтматов в поэтику мифа. Проведённый нами анализ показывает, что в творчестве Айтматова миф и притча сосуществуют (например, миф о Матери-оленихе, притча о Филофее).

В пересказе мифа о Рогатой матери-оленихе (повесть *Белый пароход*)⁷ (2, 185–186), автор освобождает этот образ от ореола сказочности, превращая

⁵ Ч. Айтматов, *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1998, с. 450.

⁶ А.А. Потебня, *Мысль и язык. Представление, суждение, понятие*, http://genhis.philol.msu.ru/printer_157.shtml.

⁷ Ч. Айтматов, *Собрание сочинений*: в 2 т., Москва 1998, с. 185–186. В дальнейшем ссылки на произведения Ч. Айтматова даются по этому источнику с указанием в скобках тома и страниц.

его в особый способ эстетизации и поэтизации, приближая его ко времени повествования, описания маралов, что позволяет сдвигать события из мифологизированного прошлого в реальное настоящее, соединяя эстетическое, нравственно-этическое и собственно реалистическое начало. Мать-олениха – и реальный прекрасный зверь, и символ природы, и символ родоначальницы человеческого рода. Совмещение подобного рода в одном образе позволяет создавать многомерный текст, в котором происходит органическое слияние тем «человек и природа», духовно-нравственные аспекты проблемы «человек-человек». Именно поэтому в айтматовских произведениях мотивы варварского отношения к природе закономерно трансформируются в мотивы духовно-нравственной деградации человека, предательства человеком своей гуманистической сути. Неразрывная связь этих мотивов чётко явлена в рассказе о том, как свершилось трагическое пророчество Рябой Хромой Старухи: люди забудут своё происхождение от матери-природы, а наивная вера Матери-Оленихи в то, что усыновлённые ею дети не будут убивать оленят, т. е. не станут губить своих братьев и сестёр, оказывается поруганной и разрушенной. Люди, привыкшие убивать своих человеческих братьев и сестёр, тем более не остановятся перед убийством названных братьев и сестёр.

Этическая значимость образа Рогатой матери-оленихи в том, что, выходя из мифологического пространства, он соединяет нас с современной реальностью, определяя этические точки отсчёта не только во взаимоотношениях героев настоящего и прошлого, но и в поведении и мышлении современного человека.

В идейно-художественной системе повести особая роль принадлежит образу Момуна, выписанному писателем любовно и подробно. Ч. Айтматов рисует Момуна как человека редкой души. Доброта этого героя, его неизменная приветливость и готовность помочь любому никем и никогда не ценились, «как не ценилось бы золото, если бы вдруг его стали раздавать бесплатно. Никто не относился к Момуну с тем уважением, каким пользуются люди его возраста (2, 185–186). И старый и малый были с ним на «ты», над ним можно было подшутить – старик безобидный, с ним можно было и не считаться – старик безотказный. Не зря говорят, люди не прощают тому, кто не умеет заставить уважать себя» (2, 185–186). Простодушие, безотказность и доброта приводят к тому, что Момуна «используют» «все». Отсюда трагичность этого характера, униженность и подчинённость грубой хамской власти Орозкула, сущность которого старик понимает удивительно точно.

Разрушение нравственно сберегающей энергии древнего мифа происходит в самом его сердце – в сознании и жизни хранителя живых заветов предков. Изощёрённость провокационного поступка Сейдахмата – это тотальная победа зла. Крушение идеала, так долго хранимого, происходит на самом главном «направлении» человеческого существования: пытаюсь защитить дочь и внука от последствий доноса, старый Момун своими руками убивает не только марала, но и ту великую веру в доброту и красоту мира, которую он воспитал в мальчишке и которая одна способна сохранить духовное здоровье народа. Неизбежность и трагичность невольного предательства Момуна диктуется страхом и отчаянием. Страх и отчаяние старого захлестывают

и младшего, придумавшего и рассказавшего портфелью свою удивительную сказку. Невообразимая, невысказанная по своей жестокости и несправедливости действительность оказывается несовместимой с жизнью маленького мечтателя.

Для Айтматова именно страх лежит в основе вечного конфликта добра и зла. Если рассматривать образ Орозкула как символ зла, а образ Момуна как символ добра, то анализ психологии их взаимоотношений чётко обнаруживает причину победы зла – это страх, вечный страх, преследующий старика. Мир, в котором царствует страх, способен победить даже того, кто его преодолевает. Гибнет мальчик, мечтающий стать рыбой и уплыть в Иссык-Куль, по которому плывёт прекрасный белый пароход. В душе мальчика нет страха, но гармония его мира разрушена убийством и предательством, потому что жить оказывается невозможно.

Писатель достигает художественного синтеза исторического и этического содержания, осмысляя общечеловеческие ценности и нравственные идеалы, лежащие в основе законов бытия. Так, абсолютным Добром в понимании писателя становится служение законам, основанным на Любви к человеку и к природе как условию жизни рода людского, а абсолютным Злом – нарушение этих законов.

Главным героем повести *Пегий пёс, бегущий краем моря*, как и повести *Белый пароход*, является ребёнок, ибо чистая душа ребёнка, как уже отмечалось, является для писателя точкой отсчёта, ориентиром нравственного и духовного бытия. Сюжет повести организуется на основе двух самых важных типов мифа – этногенического и космогонического. Фактически эти две разновидности мифа составляют основу любой мифологии, поскольку они отвечают на два сверхважных вопроса, лежащих в основе любой формы познания и впервые получивших ответ именно в рамках мифологического сознания: как устроен мир, окружающий человека, какое место занимает человек в этом мироустройстве и откуда он в нём взялся. Вопрос о возникновении человека в мире тесно связан с вопросом о продолжении рода человеческого. Вот почему этногенические мифы привлекают внимание писателей – создателей неомифа.

В плане способа повествования этногенический и космогонический миф наиболее адекватное и законченное воплощение получают в эпике. Не случайно Айтматов назвал свою повесть, в которой использован миф о происхождении нивхов, мифологической поэмой. Её язык возвышен, ритмизирован, насыщен метафорикой и изысканными эпитетами: «Гудело и маялось море во тьме, набегаая и расшибаясь на утёсах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменнотвёрдая земля» (2, 418). Хотя нельзя эту повесть назвать песней в прозе в широком смысле слова, тем не менее, в финале она перерастает в эпическую песню Кирииска о *Пегом псе*.

Мифы Ч. Айтматова в *Пегом псе...* – сама реальность, и выступает автор в ней в роли эпического повествователя. Характер эпического художника слова А.Ф. Лосев определил так: «Эпический художник – это тот, сознание которого тождественно с сознанием народа на общинно-родовой ступени его истории..., причём подобное сознание выбирает и соответствующие ему

художественные формы»⁸. Присутствующие в повести мифы проявляются как мироощущение писателя. А понятию «мироощущение» как бы возвращается его буквальный смысл – «ощущение, чувствование мира как самого себя»:

А утка Лувр, да-да, та самая, обыкновенная кряква-широконоска, что по сей день проносится в стаях над нашими головами, летала в ту пору над миром одна-одинёшенька, и негде ей было снести яйцо. В целом свете не было ничего, кроме воды, даже тростиночки не было, чтобы гнездо смастерить.

С криком летала утка Лувр – боялась, не удержит, боялась, уронит яйцо в пучину бездонную. И куда бы ни отправлялась утка Лувр, куда бы ни долетала она – везде и повсюду плескались под крыльями волны, кругом лежала великая Вода – вода без берегов, без начала, без конца. Извелась утка Лувр, убедилась: в целом свете не было места, где бы устроить гнездо.

И тогда утка Лувр села на воду, надёргала перьев из своей груди и свила гнездо. Вот с того-то гнезда плавучего и начала земля образовываться (2, 419).

В повести использованы мифы нивхов, до сих пор живущие в сознании народа и многое определяющие в его культуре. Именно поэтому основную роль в понимании и истолковании идеи повести *Пегий нёс, бежущий краем моря* играют образы-символы уходящие своими корнями в эту мифологическую систему. Это не только образ утки Лувр, прародительницы всего человечества, или образ Рыбы-женщины – прародительницы живущего у моря рода Руйфингун. Это и образы основных стихий, которые в языческой культуре приравнивались к богам: Стихии Воды (море), Земли (суша) и Неба (птицы, звезды):

В непроглядной, насыщенной летучей влагой и холодом приморской ночи, на всём протяжении Охотского побережья, по всему фронту суши и моря шла вечная, неукротимая борьба двух стихий – суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу...

И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор, как день зачался днём, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени.

Все дни и все ночи... (2, 418).

Вечная борьба стихий, остающаяся неизменным условием Жизни и Рода, отражает целый ряд антагонистических нравственно-философских коллизий, определяющих течение и развитие жизни как отдельного человека, так и всего народа в целом. Для такого мироустройства абсолютно закономерно, что доминирующее значение в системе образов придаётся образу старика Органа (старость, закат жизни, ощущение приближения смерти) и образу мальчика Кириска (юность, начало жизни, надежда).

А чтобы трагическая судьба одного человека не стала трагедией рода, существует еще одна стихия – Небо, символизирующее ту Высшую Судьбу, которая и определяет Закон жизни, регулирующий борьбу всех других

⁸ А.Ф. Лосев, *Гомер*, Москва 1960, с. 51.

стихий. Поэтому так важен праздник, на котором шаман определит Звезду-охранительницу для Кириска:

Да-да, о нём будет говорить шаман с Землей и Водой, заклинать станет и просить, чтобы всегда добры были к нему Земля и Вода...

...И на празднике том для Кириска состоится ещё одно важное действо. Судьбу его охотничью неистово пляшущий шаман поручит одной из звёзд в небе. Ведь у каждого охотника есть своя звезда-охранительница. А какой звезде будет поручена его, Кириска, судьба, об этом никто никогда не узнает (2, 425–426).

Но праздник этот может состояться лишь после охоты, которая, по сути, есть испытание на границе Стихий: человек должен сначала испытать свою судьбу, доказав ей своё право на существование, и только тогда она будет его хранительницей, только тогда он будет иметь право на продолжение своё и своего рода: «И ещё заклинать и просить станет он, шаман многомудрый, чтобы дети народились у Кириска и все выжили, чтобы род Великой Рыбы-женщины умножался, и потомки к потомкам прибавлялись» (2, 425).

В этой повести Айтматова впервые появляется тема Судьбы-неба как условия продолжения жизни рода (помимо внутренних личностных законов), которая станет впоследствии основой общечеловеческой направленности в философии писателя.

Мифологическая природа сюжета и стиля повести неотделима в *Пегом псе...* от реальности происходящего, от психологичности описания внутренне-го состояния героев, от их поступков. Придаваемая притчевостью условность не становится абстрактной и отвлечённой, а наоборот, высвечивает истинную философскую суть, обнаруживает этическую направленность происходящего. Эта тесная взаимообусловленность этического и философского и позволяет говорить о полифоничности айтматовских повестей вообще. В повести о взрослении Кириска исследуется также целый ряд нравственно-философских проблем: добра, свободы, памяти, предательства, чести и др., образующих свою этическую систему. И огромную роль в этом играет миф, который, являясь идейным центром повести, определяет её содержательную и стилистическую целостность.

Таким образом, Слово как слагаемое картины мира по своей «естественной» сути отражает неразрывную связь Человека с Людьми и Человека со всеми Другими Мирами, соединяет в себе черты и мифологемы целостного мифопоэтического концепта как в традиционной мифологии (особенно в мифах, соотносимых с мировыми религиями), так и в художественном мифологизированном мышлении писателей XX века. Тем более, что тема магии Слова составляет одну из тем мировой литературы и мирового искусства в целом и не ограничивается рамками какого-то одного эстетического направления.

В конце XX века наиболее значимыми для творческого осмысления становятся проблемы этико-философского и эстетического содержания, что вполне закономерно в эпоху кризисов и переломов. Пытаясь объяснить и понять суть проблем бытия и человека, искусства и творца, писатели более углублённо исследуют этические и эстетические категории.

Творчество Ч. Айтматова представляет собой целостную систему, в основе которой лежат этико-философские, эстетические взгляды, формирующие представление о правильном и разумном устройстве мира. Для решения этико-философских и эстетических проблем писатель обращается к условным художественным приёмам. В творчестве Чингиза Айтматова развивается тема, которая является связующим звеном всех его произведений – продолжения человеческого рода, взаимосвязи личности и окружающей действительности. Она включает в себя весь спектр айтматовских этико-философских идей: памяти, смысла добра, истинной любви и др. Ощущение конфликтности и дисгармоничности мира позволило писателю определить принцип рассмотрения этих проблем и тем, антиномичное их анализирование: любовь – ненависть, жизнь – смерть, добро – зло, память – забвение. Но айтматовские антиномии не разъединяют эти понятия, а напротив – объединяют в единой попытке постичь Истину. Писатель анализирует разные свойства и состояние одной проблемы в стремлении дать ответ. Однако это не готовое решение, а лишь ответ-«предупреждение».

Литература

- Вайнштейн О., *Интервью с Жаком Деррида*, «Arbor Mundi. Мировое древо», The World Tree.
- Мирза-Ахмедова П.М., *Проблема билитературности и двойной литературной принадлежности в межлитературном процессе*, [в:] *Особые межлитературные общности* – 5, Ташкент 1993.
- Сартр Ж.П., *Эпоха, лишённая морали* [электронный ресурс] [в:] *Жан-Поль Сартр, публикации в сети*. Web-мастер Владислав Андриюшин 2004, <http://sartre.hpsy.ru>.
- Плавиус Х., *Человек и мир. Семидесятые годы*, «Новый мир» 1977, № 12.
- Айтматов Ч., *Собрание сочинений*: в 7 т., Москва 1998.
- Потебня А.А., *Мысль и язык. Представление, суждение, понятие*. [Электронный ресурс], http://genhis.philol.msu.ru/printer_157.shtml.
- Айтматов Ч. *Собрание сочинений*: в 2 т., Москва 1998.
- Лосев А.Ф., *Гомер*, Москва 1960.

Этико-философские воззрения Чингиза Айтматова в призме мифопоэтики

Резюме

Цель статьи – выявить авторское своеобразие этико-философских воззрений Чингиза Айтматова на материале его повестей *Белый пароход* и *Пегий пёс, бегущий краем моря*. Этико-философские воззрения Айтматова рассматриваются и анализируются сквозь призму философских категорий добра и зла, связанных с религиозными и культурными традициями человечества. Для решения поставленной задачи исследованы условные художественные приёмы, которые нашли отражение в произведениях писателя. Выводы: творчество Ч. Айтматова представляет собой целостную систему, в основе которой лежат этико-философские взгляды, формирующие представление о правильном и разумном устройстве мира. Связующим звеном всех произведений Айтматова являются темы продолжения человеческого рода и взаимосвязи личности

с окружающей действительностью. Они передают весь спектр этико-философских идей писателя: Ощущение конфликтности и дисгармоничности мира позволило писателю определить принципы рассмотрения проблем памяти и забвения, добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти. У Айтматова эти антиномии не разъединяют, а объединяют в единой попытке постичь Истину. Ответ писателя – это не готовое решение, предупреждение.

Ключевые слова: этика, философия, мировоззрение, миф, притча, проблемы бытия, эстетика, нравственность, Айтматов.

Chingiz Aitmatov's Ethical and Philosophical View Sin the Realm of Mytho-poetics

Abstract

The purpose of the article is to identify the originality of the author's ethical and philosophical views of Chingiz Aitmatov on the material of his novels "The White Ship" (*Bielyj parokhod*) and "Piebald dog running along sea edge" (*Piegij pios, biepushchij krajem moria*). Aitmatov's ethic-philosophical views are examined and analysed in the article through the prism of philosophical categories of good and evil, related to religious and cultural traditions of humanity. The conditional artistic receptions are investigated for the task solution, which have been found reflection in works of writer. Conclusion: the creativity of Aitmatov is a holistic system based on ethical and philosophical views that form an idea of the correct and rational structure of the world. The themes of continuation of the human species and the relationship of the individual with the surrounding reality are the link of all Aitmatov's works. They convey the whole range of ethical and philosophical ideas of the writer. The feeling of conflict and disharmony of the world has allowed the writer to determine the principles of consideration of memory and oblivion, of good and evil, of love and hate, of life and death. These antinomies not divide but unite in a single attempt to comprehend the truth. The writer does not provide ready-made solution, but warns.

Key words: ethics, philosophy, world outlook, myth, parable, the problem being, aesthetics, morality, Aitmatov.

Нурғали Сыздықбаев

кандидат филологических наук

доцент кафедры казахского языка и литературы

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами

Nurgali Syzdykbaev,

Ph.D. (Literature)

Associate Professor of the Kazakh language and literature department

Tashkent State Pedagogical Nizami University

e-mail: siznur@mail.ru

+998909268961